

При жизни Евгения Алексеевича Лебедева не называли интеллектуальным актером, хотя его рассказы и самоанализы (замечательная повесть актера об одной из лучших ролей жизни "Мой Бессеменов") были напечатаны, а первым признаком актерского ума считается писательство. Интеллектуальный актер – это целая система творчества, в которой есть, кроме литературных склонностей, особый подход к театральному исполнению. Не просто игра, а вдумчивая, насыщенная мыслью, разумно организованная, обращенная в глубину проблемы, побуждающая и зрителя к мозговой контратаке. И всего этого специфического богатства в искусстве Лебедева на первый взгляд не обнаружишь. Недаром книга о нем, вернее, книга его, выпущенная только что в Москве издательством "Центрополиграф", называется "Евгений Лебедев. Великий лицедей". Раскрываем одно из составляющих название слов, "лицедей", уже ставшее неким возвышенным синонимом слова "актер", и получаем: тот, кто делает лица. Лебедев – это тот, кто делал "лица" бабы Яги, мадам Куку, лошади Холстомера, Сталина, Ромашки, Артуру Уи. Не вполне (по разным причинам) человеческие лица, а среди человеческих – Монахов, Рогожин, Шукарь, уже упомянутый Бессеменов, Фальстаф, Крутицкий, Серебряков, и так далее. Зрители, знавшие Лебедева, при его имени вспоминают все это собрание не особенно или совсем мало интеллектуальных персонажей. А знатоки скажут об импровизации, характерности, комизме, трагикомизме, представлении – о многом, что вполне самодостаточно и не нуждается в объяснениях. Лебедев жил на сцене полной жизнью, а в ней чувства и мысли неразделимы. Лицедейство – это практический театр. К сожалению, от него тоже ничего не остается. Томы умных статей умножают нашу, зрительскую, беспомощность: сохранить театр Лебедева невозможно.

На помощь приходит одно испытанное средство – практическое печатное слово. К

Слово великого лицедея

Елена ГОРФУНКЕЛЬ

нему не раз обращались сами актеры, прилавки книжных магазинов и сейчас заполнены мемуарами, повестями, романами, дневниками многих замечательных актеров. Так сохраняется традиция актерских книг, возникшая задолго до того, как их, актеров, стали величать интеллектуалами или "властителями дум". К этому разряду театральной литературы относится и новая книга Лебедева. В ней даже критики выступают как зрители его спектаклей и люди лебедевского времени. Но все же главная ценность книги – слово самого актера. Оно не требует поддержки, потому что является из актерского "нутра". Когда-то этим, прямо скажем, грубым, физиологическим термином обозначался источник сценического вдохновения. Актер, игравший "нутром", стоял на лестнице театральных ценностей ниже актера-мыслителя. Теперь же хочется вернуться к непочтенному слову. Таинственно это самое "нутро", если в нем возникает подтекст, который великий артист записывает словами: мол, это говорит Бессеменов вслух, а это говорит его душа, его "нутро". Да и пишет Лебедев от лица Бессеменова – "я знаю, я не хочу, я вижу..." А если от своего имени, то так: "Рефлексов у меня сколько угодно. Только прикоснись к чему-нибудь... к какому-нибудь событию, а они тут как тут. Нить начинают не только уши, но и душа". Не мыслей у меня сколько угодно – а рефлексив. Умная ирония проходит сквозь все вос-

поминания Лебедева, а кроме иронии узнается его страстность, даже неистовость, необычайная наблюдательность, шекспировское соединение комического и трагического, взятое не из книг, а из жизни. Ведь он знает сюжеты для эстрадных скетчей "жванецкой силы" и повести "шукшинского" размаха. У него вой Холстомера – из эпохи коллективизации. Он устраивает "письменные" показы – так на сцене выражается В.В. Меркурьев, а так за столом – профессор Рысс. Все это живет, дышит, звучит. Лебедев пишет не особым литературным языком, а как бы самым человеческим, животворящим "нутром", оттого его текст органичен, как и его ушедшее от нас творчество.

Хорошо, что прекрасные страницы лебедевской поэтической прозы не оставлены один на один с читателем. То есть читатель может не внимать так называемому аппарату: летописи жизни и творчества, библиографии, а также может отложить чтение воспоминаний. Однако все дополнения важны, это рамка автопортрета, это знаки понимания и любви современников. Книга начинается обращением "От редактора-составителя" (так официально именуется Елена Алексеева, театровед и критик, которая объединила разные тексты, организовала том под общей крышей). Он, то есть она, надеются, что "неизвестный" Лебедев будет интересен разным поколениям читателей. Действительно, многое опубликовано впер-

вые, материалы интересны и в основной части (рассказы, переписка, записные книжки, целиком "Мой Бессеменов"), и в дополняющей (перепечатанные статьи о Лебедеве и только что зафиксированные воспоминания). Надеюсь, что автор-составитель не огорчится, если узнает, что при всем-том Лебедев на страницах этой книги – известный, очень знакомый, неподдельный. Полагаю, что ради достижения такого эффекта и нужны книги об актерах.

● С Н.А.Товстоноговой. 1980-е годы

Экран и сцена

№ 9-10 (627-628), апрель 2002 года

11 страница

Лебедев Евгений
Алексеевич

04.02
(199-10)